

чение ее труда, показывается широта охвата исторических фактов и степень их достоверности. В этой связи выясняются источники «Алексиады». Центральной частью «Предисловия» служит анализ «Алексиады» как памятника общественной и литературно-художественной мысли Византии конца XI — первой половины XII в., производимый автором на фоне широкой картины культурной жизни империи этой эпохи. Исторические, политические, литературные, религиозные, этические и эстетические воззрения писательницы, соотношение в ее сочинении традиционного, канонического и идущего от живой действительности — таковы поставленные здесь и во многом по-новому решенные проблемы.

Обстоятельный комментарий к тексту «Алексиады» содержит свыше полутора тысяч пояснений, уточнений, исторических и историографических экскурсов, вводящих читателя в события, о которых повествуется в «Алексиаде», и помогающих установить угол зрения писательницы, его соответствие или несоответствие истине, выправить допущенные ею хронологические и другие фактические погрешности. Этот комментарий — плод огромного труда переводчика-историка, хорошо знакомого с источниками (не только византийскими, но и латинскими, в частности с хрониками Первого крестового похода), а также свободно владеющего литературой как по истории Византии, так и относящейся непосредственно к комментируемому памятнику.

Издание завершается библиографией источников и литературы: она включает свыше двухсот наименований одних только исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, в том числе много новейших исследований.

Весьма полезны для читателя помещенные в конце книги Хронологическая таблица по истории Византии (с середины XI в. до времени смерти Анны Комнины) и два указателя (имен и географических названий).

В целом аннотируемое издание представляет собой ценный вклад в отечественное источниковедение Византии и, более того, в развитие советской медиэвистики вообще. Выход в свет нового перевода «Алексиады» — по-своему значительное событие в нашей культурной жизни. Книга, прекрасно изданная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» (редактор — Р. Ф. Мажокина), повторяем, — хороший подарок всем, кто интересуется историей Византии, прошлым славянских народов, западноевропейским и мусульманским средневековьем.

М. Заборов

Г. В. АБГАРЯН. «ИСТОРИЯ СЕБЕОСА» И ПРОБЛЕМА АНОНИМА.

Изд-во АН Армянской ССР. Ереван, 1955, 253 стр.

«История», дошедшая до нас под именем Себеоса, является одним из уникальных источников, проливающим яркий свет на историю Армении VII в., а также на историю соседних стран — Ирана, государств Ближнего и Среднего Востока, Византии. Эта «История» тем ценнее, что не сохранились другие письменные памятники этой эпохи. Много ученых занимались изучением и изданием этого замечательного памятника; в их числе были как армянские, так и русские и западноевропейские исследователи. «История» полностью или частично переведена на русский, французский, немецкий, английский языки.

Г. Абгарян в своей работе ставит под сомнение авторство Себеоса. Проблеме авторства «Истории» Абгарян посвятил первую главу своего исследования, названную «Себеос или Хосров?», в которой приходит к выводу, что «История», приписываемая Себеосу, принадлежит перу армянского историка Хосрова, время жизни которого Абгарян относит к VII в.

Вторая глава работы озаглавлена «Отрывок Анонима и время его создания». Как известно, первая часть «Истории Себеоса» (первые четыре главы) названа исследователями «Начальной историей Армении» или «Историей Анонима». Она содержит ценнейшие данные о древней истории Армении. Эта часть органически не связана с «Историей Себеоса» и приобщена к ней случайно. На это уже давно обратили внимание многие ученые. Следы истоков «Начальной истории» были найдены у Фавстоса Бузанда, Прокопия Кесарийского и др. Исследователей занимал также вопрос о взаимоотношении «Начальной истории» с «Хроникой» Евсевия Кесарийского и «Историей Армении» Мовсеса Хоренаци.

Г. Абгарян приходит к выводу, что «Начальная история» — это извлечение из недошедшего до нас исторического произведения XI в., автором которого, по предположению Абгаряна, является историк Иоанн Таронаци.

Третья глава труда посвящена текстологическим вопросам «Истории Себеоса». Абгарян предлагает 46 конъектур к тексту. В связи с этим автор останавливается на одном месте из «Хронографии» Феофана (Theoph. I, p. 344.26), где говорится о том, как армянский патрикий, именуемый у Феофана Пасагнатесом, вопреки интересам Византии, в середине VII в. заключил мир и союз с арабами. Исследователи отождествляли Пасагнатеса с известным из армянских источников патрикием Теодоросом

Рштуни. Абгарян предполагает, что Пасагнатес — не имя, а искаженная транскрипция греческого слова *παράβτης* — отступник, каким был для Византии перешедший на сторону арабов армянский князь. Вывод этот, однако, мало убедителен не только потому, что *παράβτης* и *Παλαγάθης* звучат довольно различно, но и потому, что греческий писец скорее мог грецизировать чужое слово, чем исказить, превратив в ничего ему не говорящее имя вполне понятное для чего греческое слово.

Интересна, но мало вероятна 44-я конъектура Абгаряна. Речь идет о том, что на 12-м году своего царствования византийский император Константин II (641—668) обратился к армянскому патрикию Теодоросу Рштуни, обещав ему ругу (в «Истории Себеоса» — «*hrogî*»), если тот откажется от союза с арабами. Абгарян предлагает читать «*hîr ogî*», что означает «70 тысяч человек», и считает, что речь идет о предложенной Теодоросу Рштуни императором военной помощи в 70 тысяч человек.

Конъектура неубедительна, во-первых, потому, что вряд ли византийские императоры обещали противнику (особенно если принять вышеупомянутое толкование Абгаряна — отступнику) такое невероятно большое войско, и во-вторых, в «Истории Себеоса» «рога» названа «даром», что никак не вяжется с «войском». Что византийские императоры давали армянским князьям ругу, не подлежит сомнению. Об этом есть упоминание у Константина Багрянородного. Ругу получал таронский князь магистр Григорий. Константин называет ее *δωρεά* (именно так, как и у Себеоса), сообщая даже ее размеры — 10 литр золота и 10 литр серебра. Такую ругу очень хотели получить даже Багратидский царь Армении, армянский царь Васпуракана из рода Арцруни и грузинский куропалат Адранасе (Const. Porph. De adm. imp., cap. 43. Император Константин просто предлагал Теодоросу Рштуни ругу, а не 70 тысяч воинов.

Р. Б.

«АРМЯНСКАЯ КНИГА КАНОНОВ», ТОМ I.

Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна.

Изд-во АН Армянской ССР. Ереван, 1964, LXXIX+742 стр.

В начале VIII в. армянский католикос Иоанн Одзнеци (719—728), один из образованнейших людей своего времени, собрал воедино разбросанные канонические материалы и составил так наз. «Книгу канонов» (по-армянски — «Канонагирк»), которая, к сожалению, не дошла до нас в своем первоначальном виде. В дальнейшем в разные времена различными, большей частью неизвестными людьми, в «Книгу» были внесены каноны IV—VII вв., которых не было в составленной Иоанном Одзнеци книге.

«Армянская книга канонов» дошла до нас в нескольких редакциях и в более чем 200 рукописях (где она содержится полностью или частично). В средние века официальное значение имела только «Армянская книга канонов», лишь она получила в Армении всеобщее признание. «Судебники» Мхитара Гоша и Смбага Спарапета не стали официальными документами.

«Армянская книга канонов» до сих пор не была опубликована. В разные времена были изданы лишь отдельные ее части или группы канонов. Составитель В. Акопян постарался восстановить «Книгу канонов» в том виде, в каком она была, как предполагается, во времена Иоанна Одзнеци. Из 200 рукописей полностью «Книгу канонов» содержали только 47 рукописей Матенадарана им. Маштоца, а также одна, принадлежащая монастырю Спасителя в Новой Джульфе (Иран), переписанная в 1098 г. Эта последняя, положительно отличающаяся от всех других содержащих «Книгу канонов» рукописей, и была положена в основу данного критического издания.

Составленная Иоанном Одзнеци «Книга канонов» содержит каноны, переведенные с греческого, сирийского, а также оригинальные армянские каноны. Переведены с сирийского «каноны апостолов», а с греческого — каноны Климента, постановления трех вселенских соборов — Никейского, Константинопольского (первый собор) и Эфесского, а также постановления шести поместных соборов — Анкирского, Неокесарийского, Антиохийского, Гангрского, Лаодикийского и собора в Сардике. С греческого переведены также каноны Кесарийского собора. Наконец, переводами являются 16 групп канонов отцов церкви — Афанасия Александрийского, Василия Кесарийского и Севаста. Оригинальными (армянскими) являются каноны Шапшванского церковного собора 444/445 г., решения двух церковных соборов в городе Двине, а также каноны деятелей армянской церкви — Григория Провозвестителя, Саака Партева, Иоанна Мандакуни, Авраама Мамиконяна и Саака Дворопоречи.

В подробном и обстоятельном «Предисловии» издатель отмечает значение «Книги канонов» для изучения социально-экономических отношений в средневековой Армении, права и судопроизводства, семейных отношений, верований и обычаев и многих других вопросов. Он останавливается на эпохе создания «Армянской книги канонов» и на причинах, вызвавших ее появление; по мнению издателя, причиной появления сборника было стремление Иоанна Одзнеци к консолидации разных слоев армянского